

ЭЛДИН
ФЕКСЛИ

Вивуана.
НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Элайн Нексли

Вивиана. Наперекор судьбе

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нексли Э.

Вивиана. Наперекор судьбе / Э. Нексли — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Англия, XVI век.... Вивиана Бломфилд, ставшая свидетельницей страшных убийств, начинает расследование и понимает, что в этих делах замешано черное колдовство. Следующая жертва ведьмы – сама Вивиана. Чтобы уничтожить колдунью, девушка, против законов и правил, отправляется в Египет, дабы найти великую реликвию. Красавицу ждут впереди опасные приключения, смерть, ходившая по пятам, страсть к восточному принцу, колорит восточного гарема. Но любовь к прекрасному арабу может стать ее гибелью...

© Нексли Э.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элайн Нексли

Вивиана

Наперекор судьбе

Пролог

Англия, Лондон, 3 января 1521 года.

Изысканная, роскошная карета, запряженная двойкой быстрых лошадей, миновала Вестминстер, направляясь к заснеженному, отдаленному порту. Кевен устало вздохнула, положив голову на плечо спавшего мужа. От постоянной тряски ее тошнило, все тело, словно закаменело. Эта изнурительная поездка окончательно пошатнула и так слабое здоровье женщины, недавно пережившей очередной выкидыш. Миссис Бломфилд с горечью признала, что это Рождество выдалось самым ужасным в ее жизни, ведь именно в Сочельник несчастная ощутила неприятную боль внизу живота, а уже на утро проснулась, встретившись со страшной правдой: ее малыша больше нет на этом свете.

Графиня провела рукой, затянутой в белоснежную перчатку, по запотевшему стеклу, пытаясь впустить в свой израненный разум восторг от этого прекрасного, зимнего пейзажа. Внезапно женщина ощутила какое-то странное, томящее чувство в сердце, а уже через миг ее взгляд самопроизвольно заскользил по какому-то свитку, лежавшему на берегу Темзы. Кевен лишь усмехнулась, поняв, что это просто грудa старых покрывал, но под ними что-то зашевелилось... Вздвогнув, как от удара молнии, англичанка резко вскрикнула: – Останови карету! – перепуганный кучер сразу же натянул поводья, а граф, разбуженный криком жены, недовольно открыл глаза. Выбежав из берлины, Кевен бросилась к берегу, дрожащими руками откинув грязные ткани. Женщина опешила: на нее взирали невинные, широко распахнутые детские глазки. Это была девочка, маленькая, хрупкая девочка лет шести, окоченевшая от холода, испуганная и замерзшая. Малышка протянула к неизвестной даме свои тоненькие ручки, но через секунды провалилась в глубокую, темную бездну. Кевен несколько секунд сидела на ледяном снегу, всматриваясь в побелевшее лицо девочки. Тяжело дыша, графиня прижала к себе почти невесомое тельце, ощущая слабое, едва различимое биение детского сердечка. Если она сейчас не поможет ребенку, он просто умрет. Кевен с трудом подняла живую ношу, направляясь к карете, но внезапно вскрикнула, ощутив на своих плечах ладони графа. Нишкон, грубо вперив в супругу злобный взгляд, пробурчал:

– Что у тебя в руках? Кто она?

– Это девочка, крохотная, замерзшая малышка. Мы должны спасти ее. Умоляю, не заставляй меня оставлять крошечку на берегу этой проклятой реки. Мы обязаны помочь ей.

– Ты совсем с ума сошла?! Это неизвестный, чужой для тебя и для меня, ребенок, возможно, заразный. У девчонки, я уверен, есть родители, и если они пожелали дочь оставить здесь...

– Что ты такое говоришь? – воскликнула графиня, еще сильнее прижимая к себе бессознательную малышку: – Никто не имеет права отбирать жизнь у ребенка. Сам Господь пожелал преподнести нам этот подарок. Все эти года я покорно слушалась тебя, была лишь тенью в поместье, но ради жизни этой девочки я готова на все. Хочешь ты, или нет, я заберу кроху в замок, где ей обеспечат должный уход и заботу. Всевышний уже трижды забирал у меня детей: Женестьева и два тех несчастных младенцев, что еще даже не успели увидеть солнечный

свет. Четвертый раз я такого не переживу: эта девочка станет моей дочерью, – с этими словами Кевен проследовала к карете, бросив на недовольного супруга дерзкий, непокорный взгляд.

Глава 1

Понтипридд, Уэльс, графство Бломфилд, 1524 год.

Я мчалась по коридорам, сметая все на своем пути. Радостные крики вырывались из моих уст: – Папа приехал! Папа приехал!

Я слышала, несмотря на свой быстрый бег, тяжелые шаги моей гувернантки Амелии и ее упреки: – Леди Вивиана! Вивиана Бломфилд, остановитесь! Дочери графа не подобает так себя вести! Стойте, ради Бога! Ваша матушка очень разгневется, если узнает о таком легкомысленном поведении младшей дочери! Стойте, вам говорят.

Но я не обращала внимания на ее озабоченные речи. Мой десятилетний ум не понимал, почему дочь не может бежать на встречу со своим отцом, которого она не видела больше года. Сметая перепуганных служанок, я выбежала во внутренний дворик, где стоял папа. С радостным визгом я бросилась ему в объятия. Граф радостно подхватил меня, прошептав:

– Вивиана, моя доченька, как я соскучился по тебе!

Сзади пыхла уставшая, от бега за мной, Амелия: – Простите, ваша светлость, я не успела ее догнать.

Граф Нишкон, глава нашей семьи, поднял руку, призывая гувернантку к молчанию:

– Благодарю вас, Амелия, вы ни на шаг не отходите от моей драгоценной дочурки, – папа радостно засмеялся, жестом приказывая женщину уйти. По нашему замку ходили слухи, что граф и Амелия были любовниками. И не удивительно, что такая пышногрудая, светловолосая дама не заинтриговала моего любвеобильного отца. Мама очень ревновала графа, но из-за уважения молчала. Я нередко слышала, как она рыдает в своих пустынных покоях, еще помнивших стенания и вопли. После смерти моего старшего брата, графиня окончательно замкнулась в себе. Она очень любила сына и надеялась, что именно Андрео унаследует все земли отца. Но мой любимый братик умер три года назад, от чумы.

Я потерялась о шершавую щеку отца: – Папочка, почему ты так молчалив?

Улыбка исчезла с губ графа. В его глазах царила скрытая грусть, которую я раньше не замечала. Из-за всех государственных проблем, выпавших на долю дома Бломфилд, мой отец очень постарел. Это ощущалось не только в его теле, но и в глазах, которые сейчас печально смотрели на меня.

– Пойдем, моя малышка, в гостиную. Там нас ожидает мама и сестра Патрисия, – при упоминании о старшей сестре, я невольно поежилась. Патрисия была старше меня на четыре года, и уже ей исполнилось четырнадцать. Красота – ее главное достоинство. Я постоянно завидовала ее голубым, бездонным глазам, белокурым кудрям, которые она любила распускать, даже несмотря на то, что матушка ее за это бранила. Кожа у сестры была белоснежной, шелковистой, с бледным, розовым оттенком. В отличие от меня, Патрисия носила украшения, о чем мама мне запрещала даже подумать. Когда я надевала колъе или серьги, графиня моментально срывала их с меня и отдавала Патрисию. Я не понимала, и, возможно, никогда не пойму, почему матушка так ненавидела меня. Именно ненавидели, ибо по-другому и не скажешь. Патрисия – вот ее любимая дочь. Моя мать, Кевен, никогда не целовала меня, не гордилась, а лишь ругала за неподобающее поведение. «Бери пример со старшей сестры. Она – настоящая леди, не то, что ты», – вот ее слова при наших редких встречах. Отец относился ко мне почти так же холодно, как и все в Бломфилде. Лишь изредка он мог поцеловать меня или назвать ласковым словом.

Граф вел меня в зал, где, несомненно, уже была моя сестрица и мать. Когда мы зашли, а за нами закрылась дверь, перед моими глазами восстал картина, которую я никогда не забуду. Патрисия, эта скромная курица, завизжала, как кинжалом порезанная, и подбежала к отцу,

сбив с ног нашего учителя Герби. Старик повалился на пол, что-то бормоча: – Поаккуратней, леди, – это были его единственные слова, которые я разобрала в его нескладной, перепуганной речи. Забыв даже поклониться, несчастный старик, хромая, скрылся из виду за другой дверью, ведущей в наш класс. Обычно в таких нелепых ситуациях я заливалась смехом, но сейчас мне точно было не до этого. Открыв рот, я ждала, когда мать или отец выругают старшую дочь за то, что она причинила вред учителю и даже не извинилась. Да какой там выругают? Они даже внимания на это не обратили. Граф, ничего не замечая, по крайней мере, делая вид, что так, расцеловал старшую дочь, графиня лишь скромно чмокнула супруга в щеку.

– Посмотри, моя красавица Патрисия, что я тебе привез. Такие вещи достойны настоящей принцессы, – папа порылся в чемодане и достал великолепную шкатулочку, украшенную настоящими сапфирами. При виде такой красоты, я ахнула. Но не от счастья за сестру, а от зависти. Мне оставалось только надеяться, что отец и мне что-то привез, во что я очень слабо верила. Никогда никто не делал мне подарков, возможно, и не сделает. Но это был еще не конец той сцены, что я и сейчас помню. Следующим подарком для моей радостной сестры являлось великолепное, серебряное зеркало. Несмотря на то, что Церковь не одобряла зеркала, мой папа решился преподнести такой подарок дочери. Я печально улыбнулась. Что ж, такая моя судьба: смотреть на счастье других, но не получать своего. Но я не могла подумать, что он еще ей купил! Жемчужное ожерелье, такое самое, какое я увидела в лавке одного торговца. Мне так захотелось надеть на свою шею эту красоту, что я впервые в жизни пошла против мамы и купила его на украденные деньги. Да, это было подло, но я никогда не забуду, что тогда я, девятилетняя на тот момента, девочка, пережила. Матушка сорвала его с моей шеи и несколько раз ударила этим ожерельем по моему лицу. От удара жемчужинок у меня из носа хлынула кровь. Но это было не самое ужасное. Стекло, покрывающее жемчуг, лопнуло, и осколок попал прямо мне в губу. Шрам остался до сих пор. Графиня схватила меня за волосы и поволокла в коморку. Эта было самое ужасное место в нашем замке, ибо там каждый угол кишел тараканами и прочей гадостью. В тюфяках, хранившихся в коморке, было полно клопов и пауков. Того место я боялась, как ада. Моя «добрая» мама заперла меня там на несколько дней, которые я провела без еды. К счастью, хоть воду мне приносили каждый день, но где спать, я не знала. Приходилось «отдыхать» сидя.

Мои печальные воспоминания прервало щебетание птичек. Я повернула голову в сторону мамы. Она стояла, а у нее в руках была клетка с прекрасными, маленькими попугайчиками. Я очень любила этих экзотических существ, и, забыв про правила поведения, подбежала к графине и коснулась пальцем одной птички. За такое «неприличное» поведение матушка ударила меня по руке: – Амелия, что ты там стоишь? Забери Вивиану и отведи в комнату! Быстро! – после этих слов я поняла, что мне подарка не видать. Я бросила гневный взгляд своих детских глаз на Патрисию, а в ответ она лишь дерзко усмехнулась.

Вырвав руку у гувернантки, я побежала в свою комнату. Слезы капали с моих глаз, отчаяние полностью овладело мной. Что ж, мое детство было незавидным. Да и повзрослела я слишком рано...

Глава 2

Спустя три года...

Я проснулась от какого-то странного визга, который доносился из коридора. Было ясно, что это крики радости. Но кто в такую рань может получить хорошее известие? Меня это вообще перестало волновать, когда я услышала голос сестры. Возможно, отец вновь купил ей что-то дорогое. Хотя, Патрисия была уже далеко не ребенком. В семнадцать лет она даже не обручена. Меня это удивляло и злило. День и ночь я молилась, чтобы сестрица вышла замуж и уехала на родину мужа. Я не хотела видеть ее красоты, не хотела осознавать ее превосходство надо мной. Моя недоброжелательница постоянно твердила, что у порога нашего дома будет толпиться толпа ее обожателей. На удивление, факты показывали совсем другое. Еще никто из уэльских лордов не просил руки Патрисии у отца. Возможно, это было показателям того, что родители ищут своей старшей и любимой дочке достойного жениха. Я боялась, что этим женихом может оказаться кто-кто из королевской династии. При мысли, что моя сестра станет принцессой или королевой, меня бросало в холод и дрожь. Но все мои сомнения развеялись, когда родители пригласили нас в гостиную.

Войдя в зал, я присела в реверансе. Как всегда, на меня никто не посмотрел. Все внимание было обращено на Патрисию.

– Садитесь, девочки, – равнодушно махнула рукой графиня.

Сестра, как всегда, уселась у ног матери, а я заняла отведенное мне место в другом краю комнаты.

– Вивиана, займи место возле сестры. У меня для вас обоих важное известие, – последовав приказу отца, я опустилась на шелковые подушки у ног родителей. Напряжение нарастало и я это очень хорошо чувствовала. В воздухе витали проблемы, скрытые от моих ушей и глаз, но такие же очевидные, как и снег зимой.

Патрисия загадочно улыбалась, обмахиваясь веером, поскольку в комнате и правда было очень душно. Я же покорно опустила голову, не желая смотреть на радость сестры.

– Патрисия, ты – старшая дочь в семье и наследница половины имущества. Тебе, как никому другому, нужно выйти замуж за достойного и состоятельного человека. И поэтому ты станешь женой московского боярина Притутского Андрея Григорьевича. Ты отправишься в Великое Княжество Московское, ко двору великой княгини Елены Васильевны. Там тебя научат всему, что должна знать русская невеста: языку, обычаям, танцам, манерой разговора и этикету. Этот брак хорош тем, что боярин стар, ему уже пятьдесят восемь и он серьезно болен. Если твой муж умрет, все его наследство перейдет к тебе, ты станешь боярыней, а если сблизись с великим князем Василием III, то княгиней можешь стать. Елена Васильевна не особо красива и умна. Ты же, моя дочь, можешь занять ее место. Московский князь тоже не молод, но главное – власть, – я слушала эти слова с открытым ртом. Мою неугомонную сестрицу отдают в жертву старику ради власти. Ха! Не повезло сестре.

Увидев, как поникла Патрисия, мама ласково погладила ее по волосам: – Не грусти, доченька. Еще не она девица из графства Бломфилд не выходила замуж за русского. Ты только представь: московские земли, постоянные пиры, смотрины, власть и богатства. Боярина скоро заберет смерть, ты же будешь управлять всеми его владениями. Улыбнись, Патрисия, это прекрасный выбор для тебя. Только в этом браке есть одно «но», – все напряглись: – Тебе придется принять православие и получить русское имя.

– Нет! – всхлипнула сестра, упав в ноги родителям: – Прошу, не надо! Я не могу отречься от своей веры! Матушка, отец, не отдавайте меня этим русским варварам, – несмотря на всю

свою ненависть, мне стало жаль Патрисию. Ее заставят разорвать все узы с тем миром, где она прожила все свои семнадцать лет. И раде чего? Ради брака со стариком.

– Прекрати, Патрисия! – вмешался отец: – Ты – дочь графа Бломфилд. Слезы тебе не идут. Ты должна с гордостью и честью принимать все то, что мы делаем для тебя ради блага нашего рода. Твой сын, которого ты родишь в Москве, будет одновременно наследником и уэльского графства и русского боярства. В случае смерти твоего будущего мужа, (если у вас, конечно, родятся дети), твой сын станет законным наследником. Если он будет мал, ты будешь всем управлять вместо него и тогда обрешь положение вдовы-регентши. Но и мы с матерью не вечны. В случае моей смерти к тебе перейдет огромная часть наследства, как старшей дочери, если умрет мать – то все ее имущество, перешедшее к ней от рождения. Ты станешь самой богатой женщиной в Уэльсе. Если бы мы пообещали твою руку и сердце молодому парню, то тогда было бы все по-другому, – я мало – чего понимала в наследстве, но одно я знала: я имею право на меньшую часть земель отца, но на мамино имущество я не могу даже претендовать, поскольку являлась младшей в семье. Что ж, меня это не сильно огорчало, поскольку я знала, что скоро тоже выйду замуж. Одного мне бояться больше было незачем: родители не отдадут меня русскому, ибо брак двух дочерей за славян был им не выгоден.

Сестра, едва заметным жестом руки смахнула с ресниц слезы.

– Собирайся, дочка, вскоре ты предстанешь перед супругом и его Родиной! Мама и гувернантка помогут тебе собрать все необходимые вещи. Я хочу, дабы ты отправилась в Москву как можно раньше, желательно, до конца месяца. Всем хорошего вечера, – отец вышел из залы, направляясь в свой кабинет.

Вечером сестра и мама разбирали дары, преподнесенные Андреем Григорьевичем и его сестрой – Натальей Григорьевной. Среди русских кафтанов проскальзывали даже изысканные драгоценности, несколько зеркал и два гребня. Что ж, не слишком богатые подарки. Но Патрисия, как мне показалось, довольствовалась и этим. Если бы она не была в таком грустном расположении духа, то, возможно, ругала своего будущего муженька. Но сестрица молчала, пропуская между пальцами шелк платьев. Поездка и вправду была такой неожиданной, что все буквально метались по дворцу.

Однажды ночью я услышала плач Патрисии. Моя несчастная сестренка, впившись заплаканным лицом в подушку, тихо плакала. Мы спали в одной комнате, и еще никогда я не видела, что бы моя волевая сестрица рыдала. Но сочувствие, несмотря на обиду, все равно шлохнулось у меня в душе. Встав с кровати, я подошла к ее постели и тихо пролепетала, пытаясь не выказать свое радости, когда я увидела, что моя недоброжелательница, которая всегда затмевала меня перед родителями, раздавлена своим скорым замужеством: – Не плачь, сестра. Ведь ты же давно хотела выйти замуж, говорила, что у тебя отбоя от женихов не будет. Увы, тебя, такую молодую, умную, красивую, богатую наследницу, отдают в жертву больному старику. Но ничего не поделаешь. Ведь так пожелали наши венценосные родители и, возможно, сама матушка-судьба. Смирись, ведь уже ничего не исправить. Интересно, какое имя тебе дадут в Москве. Надеюсь, на родине твоего жениха не забудут, что ты дочь графа. Знаешь, я неоднократно слышала слухи о том, что славяне – варвары, – я проговорила эти слова с таким наслаждением, что приятный озноб пробежал по всему телу. Когда я собралась уходить к своей постели, Патрисия схватила меня за руку. От ее острых ногтей, впившихся мне в запястье, я едва не вскрикнула: – Не радуйся, Вивиана. Меня родители продали ради власти, и тебя продадут. Мы ведь сестры, и у нас судьбы будут очень похожи. Ты, так же, как и я, будешь сгорать от боли и печали. Тебя тоже увезет корабль в чужую страну, где ты станешь только пешкой в политической игре. Я ошиблась в родителях, и ты ошибешься, – от этих жутких слов у меня мурашки пробежали по коже. Я непонимающе уставилась на сестру. Несмотря на ночной мрак, я сумела разглядеть в ее глазах то, что привело меня в ужас. Нет, это была не насмешка, не злость, а лишь сочувствие. Что-то Патрисия знала, то, что, разумеется, касалось

меня. Но спрашивать я не стала. Если бы это было срочно, она бы сама сказала. Я была из тех людей, которые не спешили выпытывать сразу всю правду. Я наслаждалась красивой ложью, а к реальности относилась, как к суровому монстру.

Весь остаток ночи я не могла спать. Патрисия, на удивление, после разговора со мной перестала лить слезы и сразу предалась сну. Ох, как я ей тогда завидовала. Она смогла хоть на несколько часов отвернуться от жестокой реальности предстоящего дня, я же только лежала, уставившись в потолок. Родители никогда не говорили со мной о моем замужестве, но я знала, что это время все равно когда-то наступит. Я была младшей в семье, но это не означило, что мой брак не играет никакой государственной роли.

Когда небо едва посерело, и выдало хоть какие-то признаки рассвета, я встала с кровати и пошла в маленькую комнатку, где спала Амелия, моя гувернантка. Ее покои я обнаружила пустыми. Няня просыпалась очень рано, еще темной ночью и занималась делами в гостиной. Прикрыв за собой дверь, я спустилась в зал, где обычно Амелия наводила порядок.

Но приемная оказалась пустой. Внезапно я услышала тихий стон и порывистое дыхание. Эти звуки доносились из покоев отца. Обычно я никогда туда не входила. Граф принимал меня и всю семью, кроме мамы, у себя в рабочем кабинете. Но сейчас любопытство взяло верх. Я на цыпочках подошла к двери, и приоткрыла ее. Сначала я стояла, будто мумия, потом мной овладел страх, негодование и отвращение. Амелия, обнаженная, сидела на руках у отца, на котором был только один халат. Папа что-то шептал ей на ухо, гладил ее распущенные волосы. Гувернантка потушила единственную свечу, благодаря, которой я могла хоть что-то видеть. Когда в комнате папы стало совсем темно, я напрягла все свое зрение, чтобы хоть что-то разглядеть. И то, что я разглядела, вонзилось мне в разум. Еще совсем юная, я никогда не видела близости мужчины и женщины и не хотела этого видеть. Но все же я понимала, что когда придет время, я буду вынуждена выйти замуж и отдать свою тело избранному супругу. Я уже могла быть близка с мужчиной, ибо месячные, как говорила лекарка, начались у меня слишком рано. Но одна мысль о браке, о первой ночи, доводила меня до слез. Но сейчас меня мучало другое. Папа с Амелией, а не с моей матерью. Выходит, он вновь пошел на измену, вновь предпочел служанку графини. Свою няню я любила даже больше, чем родных родителей, ибо они всегда были ко мне жестоки, но после увиденного зрелища в моей душе зародилось отвращение к этой пышногрудой женщине.

Закрыв дверь так же тихо, как я ее и открыла, закусив губы, чтобы не заплакать, я побрела в свою комнату. Моя матушка вновь была предана графом. Что ж, возможно, ее это не сильно тревожило.

Когда утром ко мне пришла Амелия, я всматривалась в нее с любопытством. Она будто расцвела. Все в ней дышало, обольщало, завораживало. Несмотря на тугой корсет, грудь няни была очень хорошо заметна. На Амелии красовалось дорогое платье с достаточно глубоким вырезом, распущенные волосы покоились на плечах. Я окончательно убедилась, что гувернантка пришла ко мне сразу со спальни своего любовника. Ели бы графиня увидела ее в таком виде, то, возможно, обо всем догадалась, если, конечно, она об этом не знала раньше.

Патрисия, хмурая, как тень, отправилась навестить матушку. Оставшись наедине с Амелией, я воспользовалась моментом, чтобы завести с ней откровенный разговор. Няня заметила мое смятение, но промолчала.

– Амелия, где ты была сегодня ночью? Я искала тебя по всему замку.

Руки женщины, расчесывающие мои волосы, задрожали. Врать мне ей не хотелось, как я думала, но она на это решилась: – Меня не было в замке прошлой ночью, леди. Я ездила в таверну по делам ее светлости.

Я едва могла сдерживать смех: – В таверну? Ночью? По делам ее светлости? В таком виде? Амелия, ты не обижайся, но ты и вправду сейчас похожа на продажную девицу. Не ври мне. Я все очень хорошо знаю. Ты была с моим отцом, придавалась любовным утехам в постели,

где граф был с графиней, с моей матерью! Как ты могла так поступить?! Этим ты предала не только мою матушку, но и меня! Зачем ты это сделала?! Но если ты уже решила идти по этому пути, то тебе не место в этом доме, рядом со мной! Сегодня же я отправлюсь к графине и попрошу ее выгнать тебя! Убирайся с моих глаз! Уходи!

Лицо Амелии запылало. Разумеется, она не ожидала от меня такой явной красноречивости. Няня опустила передо мной на колени. Ее огромные глаза смотрели на меня с вызовом: – Миледи, я растила Вас, всегда была добра к Вам, но, что я получила взамен? Вы несправедливы и жестоки. Неужели эти отрицательные черты Вы унаследовали от своих родителей? – эти слова окончательно меня разозлили.

– Следи за своим языком, иначе лишишься его! Не забывай, что я уже не маленькая девочка, которая нуждается в твоих нотациях! В моих жилах течет кровь Бломфилдов, династии, являющейся одной из самых древних и самых богатых в Англии! Встань, – когда Амелия поднялась, я вскинула подбородок и с неприязнью разглядывала ее: – Ты бы хоть постыдилась в таком омерзительном виде переступать порог моих покоев! Ты похожа на кабацкую девку, а не на гувернантку леди! Это первый и последний раз, Амелия! Еще раз ты так опозоришь мою семью, клянусь, сама отдам тебя на съедение собакам! А сейчас, приведи себе в порядок и не смей больше посягать на моего отца! Можешь идти, – когда дверь за няней захлопнулась, я упала на подушки, обхватив голову руками. После увиденного ночью я буквально задыхалась. Неужели каждая женщина обязана выходить замуж только для того, чтобы доставлять наслаждения своему мужу и рожать детей? Неужели и меня родители продадут, как сестру, а муж будет делать со мной то, что делал отец с Амелией?

– Леди, – в комнату вошла служанка матери: – Ее светлость желает Вас видеть, – еще этого мне не хватало! Мама никогда просто так меня не звала. Какой сюрприз еще подготовил мне сегодняшней день? Вспомнив загадочный взгляд Патрисии, меня едва не стошнило от страха. Неужели замужество?!

Служанка вела меня по коридорам в покои матушки. Когда мы достигли ее опочивальни, горничная постучалась. Еще одна камеристка открыла дверь, пропуская нас вовнутрь. В личные покои графини было очень трудно попасть, на каждом шагу стояли ее служанки и охрана. Даже своих дочерей мама принимала в рабочем кабинете. Но сейчас все было по-другому. Войдя вовнутрь, я почувствовала резкий запах благовоний. Из-за жары графиня решила втирать в веера освежающие запахи духов. Это не очень спасало от палящего солнца, но духота немного развеивалась.

Покои матушки являли собой великолепное сооружение. На центральной стене красовался нарисованный орел с крыльями ангела, который держал в клюве розу. Это был геральдический символ Бломфилдов. Остальные стены были расписаны с великой утонченностью. На каждом лепестке розы располагалось три рубина. Я не понимала, зачем такая роскошь, но мама относилась к этому по-другому. Пол был застелен редкой шкурой ягуара, в мехе которого буквально тонули ноги. Окна выходили на сад, освещенный летним солнцем, где цвели и пахли редкие цветы. У ног матери таяла маленькая, комнатная собачка, которую матушка нежно гладила. На изысканном столике стояла клетка с птичками, чье пение разносилось по сводам опочивальни.

Графиня сидела на возвышении, в окружении своих дам. Одна читала маме поэзии, другая играла на лютне. Когда я вошла, все замолчали. Я присела в реверансе, учтиво склоняя голову.

– Оставьте меня наедине с дочерью, – приказала графиня. Все, как один, с поклонами покинули комнату.

Матушка ласково улыбнулась, протягивая свою миниатюрную ручку, унизанную тяжелыми перстнями, для поцелуя. Когда я припала губами к ее руке, мама тихо прошептала: – У меня есть поручение для тебя, Вивиана, – ее загадочный тон заставил меня выпрямиться и

посмотреть на маму: – Это касается моего замужества? – я уже знала ответ на этот вопрос и поэтому слезы застыли у меня в глазах.

– Присаживайся, – графиня ласково усадила меня на подушку у своих ног: – Да, ты права. Это и правда касается твоего замужества, но это замужество, мягко говоря, необычное.

Я почувствовала, как сердце сжалось в холодный комок: – Матушка, я... мне кажется, что я еще не совсем готова для брака...

Мама подняла руку, призывая меня к молчанию: – Послушай меня, Вивиана, ты – еще совсем ребенок, тебе только тринадцать. В таком малолетнем возрасте ты не можешь решать свою судьбу, как и любая другая леди благородных кровей. Ты будешь делать то, что скажут родители, а за непокорность тебя настигнет наказание. В лучшем случае, я запру тебя на всю жизнь в строжайшем монастыре, в худшем – лишу всех прав наследства Бломфилдов и отдам замуж за больного старика, чтобы ты была прислужницей в его доме. Поэтому покорно склони голову и слушай. Когда понадобится твое мнение, я спрошу, – от таких унижительных слов я замерла. В душе я понимала, что каждое слово матери – сущая правда. Если она с отцом захочет, то я стану не просто послушницей в монастыре, но и танцовщицей в развратном доме. Сжав пальцы с такой силой, что побелели костяшки, я слабо кивнула, ибо во рту все пересохло: – Слово моих августейших родителей – закон, который я не смею обсуждать даже с близкими мне людьми, – едва слышно пролепетала я. Мне было известно, чего хотят от меня родители – смирения, кротости, покорности и полного повиновения. Я зажмурилась, вспомнив, какая судьба постигнет Патрисию. Совсем скоро она отправится в Москву, к старому и больному боярину. Еще хуже мне стало при воспоминании об ее словах: «Меня родители продали ради власти, и тебя продадут», – неужели она что-то знает? Но это уже не имело значения. Я полностью сосредоточилась на суровом виде матери. В ее глазах не было ни капли материнской любви, лишь холод и строгость. А мне так хотелось до дрожи прижаться к ее телу, поплакать у нее на груди, поговорить, забыв об этикете и о том, что она – великая графиня, а я лишь ее дочь, которая находится в полном распоряжении своих родителей.

– Вивиана, мне кажется, тебе нужно знать одну историю, которая произошла с прапрадедом твоего отца – Томасом Бломфилдом. Еще много лет назад графство Бломфилд имело не такое влияние на английскую политику при дворе, как сейчас. Тогда провинциальный городок Понтипридд был лишь каплей в океане государства. Твой великий предок Томас решил укрепить графство. Он сблизился с королем, стал его другом и соратником. Победив на турнире, Томас завоевал доверие монарха больше всех при дворе. Этим он разгневал советников правителя, и те посчитали, что если Томас Бломфилд жениться, то покинет двор, уединившись у себя в графстве с новой женой.

Бесстыжие аристократы стали нашептывать королю, чтобы тот женил сэра Томаса на какой-нибудь даме из высшего общества Англии. И один из них, сэр Френсис Глост решил предложить другу монарха свою дочь – леди Элизабет, которая получила при дворе репутацию придворной монахини. Элизабет была кротка, никогда не выпускала четки из своих рук. Если не ошибаюсь, ей тогда исполнилось восемнадцать. Не очень подходящая кандидатура для веселого Томаса Бломфилда, который привык брать от жизни все самое лучшее и в самые короткие сроки. Но противиться воле короля – значит, пойти на государственную измену, которая каралась и карается либо плахой и мечом, либо виселицей. К тому же, предлагаемая невеста уже однажды пошла под венец с шестидесятилетним мужчиной-вдовцом, когда девушке ей едва исполнилось двенадцать. Два года Элизабет жила в замке мужа на попечении его старшей дочери, годившейся самой жене в матери. Потом настали долгие три года ужасной близости. В конце концов, старик скончался, Элизабет же опять отправилась в поместье отца, но уже через год он вновь подыскал дочери выгодную партию. Дело было не в женщине, ибо она покорила, а в самом женихе. Как назло, на одном из пиршеств Томас заметил в толпе придворных дам одну молоденькую миледи. Ее звали Анна Честертон, она являлась чистокровной

австрийкой и дочерью австрийского герцога. Девушку прислал в английский дворец отец, в надежде, что холодная и туманная страна развеет и угомонит дерзкое поведение дочери. Да, Анна была веселой, надменной, высокомерной мадам. Томас влюбился в нее, забыв, что обручен с мрачной, как ноябрьская туча, леди Элизабет. Благородный рыцарь ради своей возлюбленной был готов на все. Он дарил ей очень дорогие и редкие подарки, танцевал с ней на балах, а однажды на турнире даже признал ее дамой сердца, которой, разумеется, должна была стать его невеста Элизабет. Отец скромной девушки пожаловался его величеству, что юный граф Томас Бломфилд совсем не уделяет внимания своей законной невесте, а целиком и полностью принадлежит австрийской змее. Король разгневался и призвал твоего предка к ответу. Тот гордо, став на одно колено и положив руку на сердце, поклялся, что любит Анну Честертон и ради нее готов разорвать помолвку с чопорной Элизабет. Король будто огнем надышался. Он выгнал несчастную, влюбленную Анну со двора и отправил ее обратно в Австрию, написав ее отцу-герцогу, что его дочь подставляет свои груди каждому, кому не лень переспать с ней, что нахалка соблазнила даже порядочного, помолвленного графа. Анну, разумеется, против ее воли, отдали в жены какому-то старику. Узнав об этом, Томас отрекся от должности советника при дворе, разорвал помолвку с Элизабет и поехал в Вену, в герцогство Честертон, чтобы спасти свою любимую. Но отец девушки проклял уэльского графа, который, якобы, запятнал честь благородной леди. Тогда Томас Бломфилд объявил войну герцогству и сказал, что если через двадцать четыре часа к воротам его отеля, (где он поселился в Австрии), не пребудет карета с Анной, он перейдет к военным действиям. Чудо, казалось, произошло. Ровно через двадцать четыре часа к воротам гостиницы прибыла карета с гербом Честертон. Томас поспешил к экипажу, надеясь увидеть в экипаже возлюбленную, но он обнаружил только ее... труп. Около тела убитой лежала записка: «Я, второй герцог Честертон, собственными руками убил дочь, чтобы не отдать ее тебе, английскому подонку. Я поклялся, что Анна не ляжет в постель с тобой. Ты хотел, чтобы к тебе приехала карета с ней, вот ты и получил желаемое. Можешь забирать ее труп, я не намерен хоронить эту отступницу от родительского слова в Австрии. Пусть сгниют кости той, которая не пожелала разделить ложе со своим законным мужем из-за уэльского мерзавца. Я отрекаюсь от своей дочери Анны Честертон. Пусть сгниет ее порочная душа», – несчастный Томас прорыдал у тела любимой долгие часы, а потом поклялся уничтожить герцогство Честертон, и собственными руками вонзить клинок в сердце герцога, который убил собственную дочь ради власти и гордости. Ужасные четыре года длилась эта война из-за убитой, родным отцом, женщины. Австрия содрогалась. Томас мог победить, но его предали, предали те, в ком он видел поддержку и опору, те, кто обещал всегда быть рядом.

Капитан северного войска, самого большого в графстве, перешел на сторону Честертонов. Томас Бломфилд пал в бою, но его запомнили, как героя, сражавшегося ради памяти любимой. И вот на протяжении нескольких десятков лет Честертонеры ведут войну с Бломфилдами. Сейчас этим проклятым родом правит женщина – герцогиня Тересия Честертон, мать будущего герцога милорда Гильберта. Этот австриец не женат, и мы с твоим отцом решили отдать тебя ему в жены, – я едва не захлебнулась собственной слюной. Отдавать меня врагу семьи?! Что это за безумие со стороны родителей?

– Матушка, но ведь вы сами сказали, что герцогство Честертон – наш заклятый враг. Я должна буду пойти под венец с врагом своего рода? Я не понимаю..., – я пыталась говорить спокойно, но предательские нотки все равно звучали у меня в словах.

– Вивиана, я посылаю тебя в Австрию не для того, чтобы ты была благочестивой супругой этого наглого австрийца. Ты должна будешь сделать так, чтобы он оказался последним из рода Честертон.

Я в недоумении посмотрела на мать. Чего она от меня хочет, от тринадцатилетней девочки?

Графиня нагнулась к моему уху так близко, что я ощутила ее порывистое дыхание:

– Ты должна будешь убить Гильберда в первую, брачную ночь.

Я уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но все мысли будто превратились в пепел и развеялись по воздуху. Слова онемели на моих губах: – Я... я не понимаю..., – на самом деле я все прекрасно понимала. Подсунуть меня иноземцу в образе скромной женушки, чтобы потом убить его – вот план моих родителей. Я мысленно покачала головой. Нет, я этого никогда не сделаю! Пусть запирают меня в темнице на всю жизнь, пусть не дают еды и питья, пусть избивают до смерти, но я не убью человека, будь он самым воплощением дьявола!

– Про свою безопасность не волнуйся. Я дам тебе такой яд, который убивает так, как это делает обычная потовая лихорадка. Медленно, неизлечимо, мучительно. После смерти мужа ты добьешься титула герцогини, как, решать будешь сама. Но эта карга Тересия после смерти своего сына должна уехать в монастырь, отдав тебе свой титул, земли и полную, безграничную власть. Когда герцогство Честертон будет в твоём распоряжении, ты забереешь все деньги с казны и вернешься в Уэльс. Не смотри на меня так! Это не воровство, хотя, называй это, как хочешь. Когда в казне этого герцогства не останется ни монеты, мы победим и разбогатеем! – я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Вокруг все пошатнулось, стало серым, пасмурным, безжизненным... Убийство, воровство... Что за бред? Неужели мама думает, что я пойду на это? Сердце мое, казалось, замерло. Я не чувствовала его ударов, ничего не понимала. На мгновение мне показалось, что я умерла, что умерла моя душа, мой дух, мое сердце, осталась лишь плоть и застывшая кровь. Взор блуждал по прекрасным гобеленам на стенах покоев. Но я ничего не видела, ничего не слышала. Когда графиня больно ущипнула меня за руку, я будто проснулась. Я внезапно отчетливо увидела ее требовательный взгляд, который говорил: *«У тебя нет выхода. Ты это сделаешь»*.

– Мадам, вы требуете от меня невозможного. Я не посмею наклепать на себя немилость Бога, совершив тяжкий грех убийства и воровства, – к моему удивлению, мама расхохоталась. Это был громкий, неприятный смех, но ее глаза оставались сухими и жестокими. Прилив смеха прекратился так же быстро, как и начался. Напущенную веселость графиня сменила коварством. Грубо схватив меня за запястье, она заставила меня резко встать, притянув к себе. Мама сжала мою руку так, будто я была пером для написания ее финансов:

– Послушай меня, деточка, ты не смеешь противиться указу родителей! Кто ты такая, чтобы противостоять отцу и матери, графу и графини?! Я сотру тебя с лица земли, если ты не покоришься, глупая девчонка! – прошипела «добрая матушка» мне на ухо. От ее скрипучего, как царапанье ногтей, голоса, у меня зазвенело в ушах. Но я была не намерена отступать. Я не ее служанка, которой она может распоряжаться целиком и полностью. Посмотрев с вызовом на графиню, я резко вырвала у нее свою руку и с необъяснимой дерзостью воскликнула:

– Я не ваша рабыня, мадам! Вы не можете принудить меня! Прежде всего, я живой человек из плоти и крови и сама имею право решать свою судьбу! – я отлично знала, что такого права, увы и ах, у меня нет. Все девушки благородных кровей, от принцессы до самой низкой, бедной аристократки, были вынуждены подчиняться родителям, а потом супругу. Простолюдинки, на удивление, не являлись собственностью родителей. Такие бедные дамы вполне могли сами выбрать себе мужа, конечно, если их род не происходил из ветви какой-нибудь знатной династии. Ох, как в ту минуту я пожалела, что родилась в семье могущественного графа, родилась леди голубых кровей, а не дочерью бедного кузнеца или мясника!

– Ты не только невоспитанная дрянь, но еще и дура! Где ты читала, что леди сама может выбирать себе судьбу?! Такого не было и не будет во все века! Дети – собственность родителей на всю жизнь, моя дорогая! – графиня гневно окинула меня взглядом. Да, я знала, что моя внешность вызывает в ней совсем не материнское чувство – зависть. Моя мать была худощавого телосложения, но в ней не было той легкости и хрупкости, которой обладала худенькая женщина. Графиня была не только неуклюжей, не умевшей двигаться в такт танца, занудной, совсем не интересной женщиной для своего мужа, но еще и не красивой. Волосы у нее

были пепельного цвета даже в рассвете молодости, а сейчас совсем побелели от едва заметной седины. Кожа у матери была бледной, с желтоватым оттенком, в уголках глаз появились «гусиные лапки», около рта – множество впалых морщинок. Я понимала, почему мама завидует мне. Я и сама знала, что красива. Для тринадцати лет моя фигура была совсем сформированной. Никакой детской хрупкости, лишь, возможно, даже чрезмерная женственность. В семье, несмотря на свой юный возраст, у меня была сама большая грудь. Мама всегда приказывала стягивать ее тугим лифом и корсетом, подкладывать вату и делать все, чтобы мое женское достоинство не было заметным. Но природу не переделаешь. Из любых декольте, принятых в Англии, даже самых незаметных, виднелась свежая линия моих груди. А талия... Тоненькая, воздушная, похожая на стебель розы. Пышные бедра всегда игриво и даже вульгарно покачивались при ходьбе. А лицо! Такой невинной и одновременно дерзкой красотой, как моя, не обладала не одна женщина, которую я знала. Даже хорошенькая леди Мария, красавица Диана, соблазнительная Амелия не могли со мной сравниться. Я обладала страстными, насыщенными фиалковыми глазами. Я любила смотреть из-под слегка опущенных ресниц, поднимая, выгнутые дугой, брови к белоснежному лбу.

Губы у меня были пышные, ярко-пурпурового цвета. Ах, как я гордилась темными, почти черными, как смоль, волосами, ниспадавшими до пояса. В темноте мои кудри казались темно-синими, но при свете дня, на лучах солнца, мои волосы приобретали золотистый оттенок. Одни поэты, работавшие в графстве, сравнивали мои кудри с горящими факелами в ночи, другие – со скорлупой каштанов. В Поттрипридде я считалась первой красавицей, от чего не редко получала пощечины от матери и издевательства сестры. Но в графстве я почти не виделась с мужчинами, а о том, чтобы побыть наедине с каким-то симпатичным кавалером, и речи не могло быть.

И сейчас, стоя перед матерью в роскошном, зеленом платье, сшитом из персидского дамаска, я чувствовала себя живой мишенью для исполнения политических замыслов. Кто считался с мнением Патрисии, когда ее решили сосватать за больного старика? И кто посчитается со мной? Я была уверена, что графиня скажет: «*Либо повиновение, либо смерть*». Я просто не сомневалась в том, что мать и отец убьют меня в случае отказа. Родительской любви от них не дождешься, а для государственных целей им не нужна дерзкая строптивница.

– Я жду ответа, Вивиана. Ты согласна пойти на убийство и воровство ради родителей? – мать довольно улыбнулась. Мой растерянный вид как будто говорил: «*Разве я посмею противиться воле великого графа и графини?*». Но мой воспаленный разум твердил совсем другие вещи. А сердце? Что могло сказать оно мне? Ничего, лишь то, что в этом проклятом замке, который я считала своим домом, всегда преследуются лишь корыстные цели, а слова юной девушки – это не больше, чем пустой звук.

– Нет, матушка. Я не готова совершить два самых тяжких греха из-за почтения к вам и отцу. Простите, но для этой позорной миссии вам придется поискать другую марионетку, – присев в изысканном реверансе, я собралась уходить, но мать больно схватила меня за локоть:

– Ты хоть понимаешь, кому отказала, дрянь?! – в следующее мгновение я ощутила, как щека запылала от пощечины графини. В ушах у меня зазвенело, а прядь волос упала на глаза. Но я удержалась на ногах. Я не могла позволить матери торжествовать. Она не должна была видеть, что сломила меня. Несколько минут я стояла, высоко вскинув голову. Глаза защипало от слез, которые я тщательно сдерживала.

– Можете ударить меня еще, еще и еще! Но я вам не пешка в корыстной игре! У вас не получится сломить меня! Я не поеду к герцогу, не поеду в Австрию! Можете хоть убить меня, но я не поеду! Не поеду, не поеду, не поеду! – кричала я. Мать уже подняла руку, чтобы ударить меня еще раз, но увидев мой бесстрашный взгляд, в котором читался открытый вызов, отшатнулась, как от дьявола:

– Ты воплощение демона, но я смогу сломать твои черные крылья! Клянусь, что если я не подчиню тебя своей воли, то отрекись от титула графини и уеду в монастырь, а ты будешь править вместо меня, и свою судьбу будешь решать тоже сама. За отца не волнуйся. Сегодня утром он уехал в Германию и в ближайшие пять лет не вернется.

– Хорошо, матушка. Давайте заключим пари. Если я не подчинюсь вам, вы уедете, и оставите право выбора за мной, а если вы своими жестокими способами сможете взять вверх надо мной и над моим упрямством, я буду всю жизнь делать то, что скажите *вы*. Договорились? – мать согласно кивнула. В ее глазах была радость. Что мама задумала?

Глава 3

На следующее утро мне передали письмо ее королевского величества – Екатерины Арагонской. Королева желала видеть меня у себя в свите. Я не понимала такого шага. Я удоставалась чести только раз видеть супругу короля Англии, и то, будучи маленькой девочкой. И покидать Понтипридд, отправляться в туманный Лондон, ко двору, где постоянно кипят неистовые страсти, у меня не было особого желания. Но графиня, прочитав послания от Екатерины, радостно захлопала в ладоши: – Надеюсь, что жизнь при дворе научит тебя быть скромной и покорной. А теперь иди, собирай свои вещи. Завтра же ты едешь во дворец, – по крайней мере, служение в свите королевы давала хоть одно преимущество: меня не выдадут замуж, ибо фрейлины ее величества должны были быть незамужними, непорочными девицами.

Патрисия, которая задержалась в Уэльсе из-за того, что в Московском Княжестве опять свирепствовала эта проклятая оспа, открыто завидовала мне. Сестрица всегда желала оказаться в Лондоне, увидеть самого Генриха VIII, почувствовать блеск и роскошь английского двора, всегда так далеко находившегося от нашей семьи.

Собирая свои вещи в скромный чемодан, я услышала тихий голос Амелии над своим ухом: – Зато вы в ближайшее время не поедите в Австрию, леди. Разве это не чудо? Именно в тот момент, когда графиня так пылко желала отдать вас за герцога, ее величество пожелала видеть вас подле себя, – я видела, как возбуждена и рада гувернантка. Амелия, разумеется, ехала со мной, поскольку матушка считала, что я, юная особа, могу натворить неладных дел при дворе вельмож.

– Мне кажется это слишком подозрительным. Еще вчера я заключила пари с мамой. Если она не вынудит меня стать игрушкой в ее руках, я навсегда одержу желаемую свободу и титул. Но, а если проиграю, не ведать мне воли до конца своих дней, – усмехнулась я, улаживая в чемодан белое, воздушное платье, которое я так любила одевать. Правда, этот наряд вызвал гнев матери и заинтригованные взгляды всех мужчин графства, ибо декольте было чересчур глубокое, а вырезы на плечах делали мою хрупкую фигуру дьявольски-соблазнительной.

– Постойте, миледи, – стройная рука Амелии легла на корсет платья: – Ее светлость запретила брать вам этот наряд в Лондон, поскольку считает, что сие платье больше идет распутнице, чем благодарной леди и фрейлине королевы. Мисс, смею заметить, что при дворе женщины одеваются, конечно, с большим вкусом и изяществом, но достаточно скромно. Обнажать плечи и, тем более, оголять линию груди строго запрещается. Любая дама королевы должна носить чепец, скрывавший ее волосы, а на улице – вуаль и плащ, в летнее время года – накидку. Поэтому мне даже жаль, что ваши прекрасные кудри будут скрыты под чопорным чепцом. Но ничего не поделаешь. Законы о моде меняются только с наступлением нового правительства.

Я заинтригованно посмотрела на няню. После того неблагоприятного инцидента гувернантка стала ко мне относиться не как к маленькой девочке-воспитаннице, а, как к леди. Амелия стала обсуждать со мной политику, внешние дела города и даже мой стиль. Поэтому теперь я могла позволить себе носить те наряды, которые захочу. Разумеется, такая приятная свобода в выборе своего имиджа мне очень даже нравилась. Я отличалась хорошим вкусом и никогда не одевала серых вещей.

– Моду при дворе диктует королева? – безразлично спросила я, выглядывая в окно и пожирая взглядом рослого мужчину, который прохаживался с моей матерью в саду.

– О, да. Екатерина Арагонская – основательница стиля, – и почти шепотом добавила: – Мне даже жаль, что так. Королева слишком чопорная, богобоязненная, скучная. Она ввела в моду треугольные чепцы, квадратные декольте, совсем тугие корсеты, серые, черные наряды, темную вышивку, безвкусные вуали из обычного шелка. Ах, как было хорошо во время правления Елизаветы Йоркской. Вот она была настоящей королевой: веселой, остроумной. А какие

наряды были! Мм, загляденье! Сколько тогда роскоши царило в резиденциях монарха, сколько живости, красок, остроумных вещей. Каждый предмет женского туалета был сделан из дорогих материалов, украшен разными драгоценностями. Все придворные тогда сияла в своих роскошных платьях и милых шляпках с перьями страуса, – отвернувшись от окна, где я увидела графиню с очередным любовником, я внимательно посмотрела на себя в зеркало. Могла ли я стать украшением английского двора? Возможно, могла. Высокого роста, аппетитного телосложения, с белоснежной кожей, не свойственной при темных волосах.

– Расскажи мне еще что-то про придворную жизнь, – попросила я няню, положив голову ей на колени.

– Ах, королевский двор – эта такая странная штука. Там, за каждым роскошным гобеленом, за каждым ковром пылают страсти, интриги, заговоры. Балы, пиры, охота, сколько еще разных развлечений, но реальность и будни в резиденциях королевской четы далеко не сказка. Каждый человек, поднявшейся на очень высокую ступень иерархической лестницы придворных рангов, всегда ходит между плахой и топором палача. Пример тому, герцог Суффолк – Чарльз Брендон. Он – приближенный к королю, его зять, женатый на принцессе Мэри Тюдор, и великий герцог. Но все равно его сиятельство боится, что может попасть в немилость суверена. Но Брендон, на удивление, очень осторожен, несмотря на свою пылкую натуру. Возможно, его шея никогда не почувствует прикосновение топора.

– Аминь, – по – традиции, произнесла я. Все эти придворные чины, герцоги, меня совсем не волновали.

– А его величество так и не получил от своей жены наследника? – с большим интересом, свойственным молодой леди, спросила я, хотя и знала ответ на свой вопрос.

– Нет, юная госпожа, не получил, но, возможно, скоро получит. Королева опять беременна и нам стоит молиться, чтобы в этот раз на свет пришел здоровый принц, достойный в будущем стать королем Англии.

– А если королева вновь потеряет ребенка? Я не понимаю, почему Генрих до сих пор не развелся с ней и не зачал малыша в лоне здоровой женщины, способной родить сына, не то, что эта старая испанка, – парировала я.

Гувернантка посмотрела на меня с гневом и опаской: – Миледи, завтра вы поклянетесь быть верной королеве Екатерине, и не посмеете больше порочить ее. Такие слова приравниваются до государственной измены. Поэтому, запомните – держите свой острый язычок за зубами, леди Вивиана, если не хотите его лишиться вместе с головой. При дворе любое неаккуратное слово может стать последним.

Я судорожно вздохнула. Лишиться головы из-за своего языка мне тоже не очень-то хотелось. С печалью смотря на все те вещи, что я оставила дома из-за приказа матушки, я пошла в сад. Томиться в душной комнате в этот жаркий день я не собиралась.

* * *

Погода, к сожалению, опять испортилась. Пошли проливные дожди, а тучи, подобно лепесткам розы, закрывали солнце. От холодного ветра я содрогнулась, когда вышла во двор. Придворный кортеж уже стояла у крыльца. Около берлины ежился от холода какой-то мужчина лет сорока. Подойдя ближе, я смогла разглядеть его морщинистое лицо и потухшие, серые глаза. Как мне сообщила приятная, молоденькая служанка, сидевшая в карете, этот грубый мужлан являлся доверенным ее величества. Говоря обычным языком, он был ее советником, вот только не в политических делах, а в придворных. По желанию королевы он мог в любое время и при любых обстоятельствах устроить такой пир, о котором даже и мечтать не смели церемониймейстеры. Развлекать королеву, брать ей на службу фрейлин и служанок, было его

обязанностями. Но я не могла понять, как этот мрачный, как туча, что нависла сейчас у нас над головами, человек, мог веселить и устраивать праздники.

В карете было так же холодно и сыро, как и на улице. Девушка, сидевшая со мной, которую звали Мелли, сказала, что специальные «камины» находятся только в экипаже августейшей четы, а подогретые подстилки под ноги имеются в каждой карете благородной дамы. Меня сей факт только разозлил. Неужели Екатерина считает, что я – дочь графа Бломфилд, не достойна такой мелочи, как подогретая подстилка?

Я бросила взгляд на замок. Сейчас зубчатые стены башен казались призрачными на фоне серого, почти черного, неба. А ведь еще вчера солнце грело прекрасные, как расплавленное золото, крыши поместья. Я поняла одно: погода сопутствует моему настроению. Мама так и не вышла, а я ожидала, что она попросится со мной, поцелует, скажет, как любит, даст какие-то напутствия в этот туманный и загадочный Лондон. Мне сказали, что графиня заперлась еще утром у себя в покоях и никого не выпускает. Что ж, депрессия было свойственна матери, а особенно сейчас, когда отец был за морем, я уезжаю в Вестминстер, а Патрисия, как сообщил вчера вечером русский посол, должна приехать в Москву, поскольку жених уже заждался своей молоденькой невесты, а оспа отступила, ее светлость была подавлена из-за предстоящего одиночества.

Я внезапно почувствовала сдавливающую боль в груди и поймала себя на мысли, что едва сдерживая непонятные слезы. Я больше никогда не увижу графство Бломфилд... Это я уже знала по своему странному самочувствию.

Дорога была долгая, не говоря, что еще и мучительно скучная и холодная. Мы ехали не через леса, опасаясь разбойников, а через шумные рынки и лавки уэльских торговцев. В Лондон мы приедем не раньше, чем через несколько дней. Амелия и Мелли спали, укрывшись своими накидками. Сэр Питер, приближенный королевы, скакал на лошади впереди нас, поэтому я не могла его видеть. В карете не спала одна я. Из-за неловкого сиденья на узких креслах я ощущала боль во всем теле, да и голод давал о себе знать. В путешествие мы не брали никакой еды, решив останавливаться в тавернах каждое утро, но сейчас я бы так желанно съела кусочек мясного пирога или пригубила густое вино из погребов отца. Спать сидя было просто невозможно. Тяжело сопя, я выглянула в окошко кареты. Мое и так обветренное лицо поддалось такому порыву ночного ветра, что я всем телом вздрогнула. Сейчас бы оказаться у камина, слушая журчание дождя и мифические рассказы Амелии о лесных существах.

– Сэр Питер, – позвала я советника ее величества, прикрывая лицо от дождя и ветра ледяной, как фарфор на морозе, рукой. Обращаться к глупому кучеру, мальчишке лет пятнадцати, не было никакого смысла. Кроме ремесла подчинения колес он совершенно, я была уверена в этом, ничего не знал.

Сэр Питер, оказывая знаки должного внимания, подъехал на своем пародистом коне к карете, протягивая мне перчатки, которые я обронила, когда еще садилась в экипаж и свой плащ. Я была бы рада закутаться в этот мех, но Питер – такой самый человек, как и я, и в своем камзоле он, разумеется, замерзнет. Ох, как я ошибалась, считая его грубым невеждой. Если бы этот мсье был моложе, возможно, я бы и стала с ним невинно флиртовать.¹

– О, горячо благодарю вас, сэр, но я не могу принять плащ. Вы ведь совсем озябните, скача на своем коне в одном камзоле, – как будто не слыша меня, Питер нежно окутал мои плечи своим плащом и одел на мои холодные руки перчатки. Скорее он походил на заботливого отца, чем на влюбленного юношу: – Сэр, теперь я точно уверена, что нам необходимо остановиться в какой-то таверне на ночь, чтобы каждый из нас мог хорошенько отдохнуть.

¹ В Средневековье и раннее Возрождение понятие «невинный флирт» означало знаки отличия от дамы, ее заинтригованные глаза, приятные беседы, разумеется, при свидетелях, но ничего более. Такие «игры» с кавалерами могла себе позволить любая благородная дама, но вот только если этакая леди решала остаться наедине с мужчиной, то флирт превращался в скандал. В те времена честь девушки считалась высшим богатством.

Иначе мы просто превратимся в лед, когда приедем во дворец, – засмеявшись моей банальной шутке, Питер крикнул кучеру:

– Эй, дружок, остановишь карету близ прилежной таверны! Только смотри, чтобы это не оказалось какой-то захудалой харчевней, или, чего похуже, публичным домом! – промямлив что-то невнятное, юноша развернул карету на другую улицу, более чистую, тем ту, по которой мы ехали, подобно улиткам, целый час.

Вернувшись на свое прежнее место и закрыв окно плотной занавеской, я еще сильнее прижала к себе плащ. Соболий мех приятно отдавал запахом нарциссов. На удивление, я согрелась. Это был плащ Питера... Эта мысль пробудила во мне странные ощущения, не свойственные тем, что я ощущала раньше. Это были чувства не благодарности, а чего-то другого, более высокого. Любви? Нет, увы, это была далеко не любовь. Из рассказов подруг я поняла, что, когда рождается любовь, все вокруг замирает, становится серым и незначимым, в крови бушует огонь, а сердце тянется к нему...

Карета остановилась: – Амелия, Мелли, просыпайтесь, – проговорила я, хлопая няню и служанку по щекам. Женщины, что-то ворча, вышли из кареты, дрожа от холода. Я последовала их примеру. Мысль о том, что сейчас мы окажемся в теплом помещении, поедим горячего супа и выпьем старого вина, развеселила меня. Спрыгнув со ступень, я побрела за Питером, который волочил мой багаж. Оставлять наши вещи на ночь в карете под присмотром легкомысленного кучера было опасно.

Таверна не отличалась ничем от обычного дома, вот только три этажа, несвойственные для дома бедняка, и многочисленные окна выдавали столовую. Зайдя в таверну, мы ощутили резкий запах вина и пива. За маленьким столиком сидел хозяин. Лысый мужчина лет пятидесяти ласково поманил нас вглубь коридора, поближе к камину: – Сэр, леди, добро пожаловать. Чем могу быть полезен? – стряхивая со шляпы и с плаща капли дождя, я присела в ответном реверансе, как и остальные женщины: – Сэр, на улице бушует непогода. Не могли бы Вы дать нам комнату на ночь и самый скромный ужин? – увидев непонимающий взгляд хозяина, я добавила: – Мы за все заплатим.

Расплывшись в улыбке, мужчина повел нас по узкой галерее. От его тела, пропитанного потом и пылью, меня едва не стошнило. С каждым шагом до нас все отчетливее доносились звуки грубой ругани и смеха. Разумеется, в таверне мы были не одни.

Перед нами показалась высокая арка, ведущая в какое-то помещение, но хозяин перегородил нам путь: – Леди, я хочу вас всех предупредить, что в общем зале не все присутствующие сущие джентльмены. Когда они увидят вас, то могут пойти на постыдные поступки. Такие случаи многократно случаются. И даже мои люди не могут спасти невинных дам от позора и бесчестия. Поэтому, будет лучше, если вы закутаетесь в темные, ничем не примечательные плащи, а капюшоны надвинете на лицо. Вы же, сэр, можете без опаски проходить, только молю, не ввязывайтесь в ссору или в драку. Миледи, – раздавая нам плащи, хозяин таверны беспокойно поглядывал вовнутрь зала. Я почувствовала в этом какую-то интригу, но промолчала, смотря в беспечные лица остальных путников.

Надевая потертый плащ, я внезапно почувствовала, как в руку мне что-то скатилось. На ладони у меня лежал золотой медальон. Возможно, его кто-то забыл. Я уже подумала его вернуть, но увидела надпись: «*Секретно, но ради блага Господжи*». Незаметно спрятав безделушку со странными словами в карман юбки, я пошла за остальными.

В нос мне ударил запах немытых тел и прокисшего молока. Вино, эль, пиво лились рекой. В дальнем углу затеялась драка, слышались бранные слова. Да, таверна желала лучшего. Столы залиты спиртными напитками, на полу следы еще свежей крови от драк, скатерти грязные и пыльные. А бедные служанки, которые разносили еду и пытались казаться благородными...

Мгновенно мой взгляд впился в незнакомого мужчину, одетого по последней лондонской моде. Милорда охраняли шесть или семь вооруженных стражников. Лица этого сэра я не могла

разглядеть из-за его шляпы, надвинутой на лоб. Но было понятно, что этот джентльмен не ради утех и ужина сюда пришел. Но тогда зачем?

– Кто этот милорд в широкополой шляпе? – спросила я хозяина таверны. Здоровяк стал бледней стены. Комкая свою маленькую шляпку, он буквально протолкал нас к ближайшему столу, подальше от подозрительного сэра:

– Откуда мне знать, миледи? Обычный посетитель. Здесь таких полно, – недовольно буркнул толстяк. Несмотря на напущенное спокойствие, я услышала в его голосе нервные нотки.

Мои раздумья прервал поток грубого смеха и ругани из противоположного стола, где два пьяных гиганта попивали эль.

– Сэр, принесите же нам ужин! – не сдержалась я, смотря, как хозяин стоит возле нашего стола, покусывая свои обвисшие губы. Что – то буркнув, он пошел на кухню, давая приказание молоденькой служанке.

– Вы не заметили ничего подозрительного? – не унималась я, обращаясь к замерзшим и грустным товарищам. Но Амелия лишь безразлично дернула плечами:

– Кроме вонючих пьяниц и грязных столов здесь нет ничего подозрительного, миледи. Ах, лучше мы бы спокойно ехали в карете, чем сидели тут, среди этого распутного борделя. Леди, может, уйдем отсюда? – прохрипела Амелия, с опаской смотря по сторонам.

– Я не собираюсь трястись в экипаже целую ночь. Сейчас поедем и попросим свободную комнату. А уже завтра утром продолжим наше путешествие. Сэр Питер, что с вами? – я перевела взгляд на приближенного королевы, который смотрел куда-то вдаль.

– Я не согласен с вами, мадам Амелия, я ту же чувствую какую-то интригу. Посмотрите, Вивиана, туда. Разве это не итальянский герб? – я обернулась. И правда, это был итальянский герб, высеченный на плаще того подозрительного милорда.

– Это итальянец? – вполголоса спросила я.

– Похоже, что да. Но странно то, что в Англии почти нет итальянцев. А этот сэр похож на настоящего принца королевской крови, – к столу подошла служанка, неся на подносе четыре тарелки рыбного супа, несколько черствых пирожков с мясом и бутылку эля.

– Мисс, – обратился Питер к кухарке: – Могли бы вы кое-что для меня сделать? Я щедро заплачу.

Девушка удивленно подняла на советника свои серые, безвкусные глаза: – О чем вы? Если о развлечениях, то в таверне очень много публичных девок, готовых ради двух монет ублажать вас целую ночь и утро. А я порядочная леди, хоть и кухарка, – Питер схватил ее за руку, шепча на ухо:

– Успокойтесь. Мне не нужно ваше тело, поберегите его для пылких юношей. Мне необходима информация.

– Информация? – рыжие брови служанки поползли на лоб. Питер резко развернул ее к итальянцу:

– Кто он? Откуда? И зачем приехал в Англию? Отвечай! – сэр порылся у себя в плаще, нашел кошелек и отдал его кухарке: – Вот, ты получишь это, но, когда скажешь, что этот сеньор здесь делает. Иначе не только обещанных денег лишишься, но и своей прекрасной головки.

– Хорошо, я все скажу. Этот милорд – итальянец, его имя – Формандо де Романо.

– Зачем он сюда приехал? Какова его миссия? – Питер еще раз дернул девушку, но на этот раз в его руке сверкнул кинжал. На испуганные крики служанки сбежались все, кому не лень.

– Эй, дружок, зачем женщину оружием пугать? Хочешь позабавиться, тащи в спальню! Или же сначала хочешь кровь ее вен попробовать, чем кровь девственницы? – выкрикнул какой-то толстяк. Я не на шутку испугалась. Не нужно было сэру Питеру привлекать внимания толпы. Так у нас могли быть еще большие проблемы.

– Милорд, оставь даму в покое. Что тебе от нее надо? На пьяницу ты не похож. Но, что бы там ни было, поговори спокойно, а ножом махать каждый третий может, – вмешался светловолосый юноша.

– Не вмешивайся, парень. Эта женщина должна мне кое-что рассказать, – растолкав любопытных зрителей, Питер потащил служанку в укромный уголок, каким оказался захудалый вестибюль с соломенным полом. Оставив перепуганных женщин, я пошла вслед за сэром.

Мужчина прижимал молчаливую кухарку к стене, обхватив руками ее тонкую шею:

– Говори, дрянь! Говори, что вы задумали?! – прошипел он. Служанка зашлась судорожным кашлем, когда руки Питера отпустили ей. Упав на солому, она покачала лишь головой:

– Я... я ничего не знаю. Оставьте меня в покое!

– Если будешь и дальше молчать, не выйдешь отсюда живой! Либо рассказ, либо мучительная, долгая смерть. Решай, – я вышла вперед, заслонив собой дрожащую девушку.

– Сэр, с чего вы взяли, что она что-то знает? Может, она говорит правду. Отпустите несчастную, – Питер недружелюбно, даже грубо оттолкнул меня и сорвал с шеи кухарки медальон:

– Вот, посмотрите. Это половинка кулона, на котором изображена роза, проткнутая кинжалом, – я порылась у себя в кармане, доставая ту безделушку со странной надписью, что нашла сегодня в плаще.

К ужасу, половинки сошлись. Это был медальон, но почему две его части находились в разных местах: – *«Секретно, но ради блага Господжи?»* – прочитав надпись, советник королевы смертельно побледнел. Сжав до крови в своих сильных руках половинки кулона, он едва слышно прошептал: – Заговор... Это заговор против суверенов! – я почувствовала холодный комок у себя в груди. Неужели их величествам угрожала опасность? Но от кого?

Питер швырнул служанку к стене, отчего у нее из носа хлынула кровь. Подняв обмякшую девушку, сэр приставил к ее горлу лезвие ножа: – У тебя есть время подумать. Когда я сосчитаю до трех, твоя головка покатится по этой соломе. Раз..., два...

– Нет! Стой. Я все скажу. Только отпусти кинжал, – глухим голосом пролепетала кухарка, вытирая платком кровавые потеки у себя на лице: – Это, правда, заговор. Заговор против королевы. Через три дня ей должны преподнести отправленное вино, которое сначала убьет дитя в ее чреве, а потом и саму Екатерину Арагонскую.

Я стиснула зубы, прикрыв рот ладонью. Резкий прилив страха и тошноты комком стал у меня в горле. Я испуганными глазами посмотрела на ошарашенного Питера, который отпустил кухарку, после чего та выбежала в общий зал и смешалась в толпе.

– Мы должны спасти королеву! – решающий и громкий голос сэра вывел меня из оцепенения. Глубоко вздохнув, я лихорадочно потрясла головой, как будто пытаюсь отогнать пагубные мысли:

– Но, как мы ее спасем? Через три дня мы не приедем в Лондон. Нужно минимум пять суток. Может, послать гонца? – мужчина покачал головой, теребя свою бороду:

– Каждого гонца, миледи, проверяют и перечитывают письмо. Вы представляете, что будет, если оно попадет в руки тем, кто и замышляет убийство? Тогда не только королева, но и мы лишимся жизни. Нужно скакать в Лондон. Я отправлюсь сейчас же, буду ехать верхом день и ночь, в дождь и в ураган. Надеюсь, так я успею прибыть в Вестминстер через три дня и предотвратить смертельную опасность, нависшую над ее величеством. Вы же, милая дама, поедите со своими служанками в карете, только прошу, не переутомляйте себя, останавливайтесь в тавернах. Ко двору вы должны приехать красивой и не уставшей. Не забывайте, молодость – залог успеха в амурных делах, – он слегка коснулся губами моей руки. На мгновения я забыла, что должна сделать, но здравый смысл ко мне вернулся так же быстро, как и исчез.

– Сэр, – я удержала его за рукав.

– Слушаю, миледи.

– Я поеду с вами, на коне, – твердо произнесла я, наблюдая за выражением лица собеседника. Сначала он нахмурился, но потом расхохотался, как мальчишка, услышавший задорную шутку:

– Вы прекрасная шутница, мистрис, но сейчас нам не до веселий.

– Я говорю вполне серьезно. Я поеду с вами, и точка, – Питер, услышав серьезность в моем голосе, замолчал и посмотрел на меня так, будто я постарела на сорок лет.

– Что? Но это невозможно! Я буду ехать три дня и три ночи без остановок, со скверными запасами еды и питья! Вы же будете только мешать мне! – меня поразила его открытость и хамство. Как он смеет мне что-то запрещать?! Что за невиданная дерзость?!

– Сэр, я превосходная наездница. Три дня верхом – ничего особенного. Если вы справитесь, то почему я не справлюсь? Или же вы считаете меня слабой?

– Нет, леди, я просто...

– Мистер, разговор окончен. Я поеду с вами, – смотря на растерянное лицо сэра Питера, я едва сдерживала смех. На самом деле, скакать без передышки – не очень хорошее занятие, но ради королевы я была готова на все.

Мелли и Амелия, услышав, что я еду вместе с Питером, пришли в такой ужас, что вся таверна обратила на нас удивленные взгляды. Но слушать перепуганных служанок мне не хотелось. Я и так все время была марионеткой родителей, и, несмотря на свой юный возраст, не хотела быть лишь пешкой.

Оставив еду на столах нетронутой, мы поспешили во двор.

Карету везли две лошади, и нам ничего не оставалось, как отвязать одну.

– Миледи, – обратился ко мне Питер, держа за уздечку черного, как ночное небо, коня: – Вам придется ехать со мной, сидя на заднем седле. Я понимаю, что вам будет неудобно, но второй кобылы для вас нет. Если хотите, конечно, можете присоединиться к своим дамам и беспечно ехать в экипаже. Решать вам, – я на мгновение задумалась. Но потом поняла, что отказ с моей стороны будет выглядеть, как трусость. Да и мысль о том, что на протяжении всего путешествия я буду сидеть позади Питера, обхватив руками его сильную спину, принесла мне удовлетворения и решимость:

– Я готова.

Мистер тихо вздохнул, помогая мне взобраться на высокого коня. Спинка седла неловко уперлась мне в зад, и я едва смогла удержаться, чтобы не упасть. Дав какие-то распоряжения юному кучеру, сэр Питер вскочил на лошадь. Ощувив запах его тела, я невольно улыбнулась. Вцепившись ногтями в его камзол, я махала рукой на прощание перепуганным и поникшим Амелии и Мелли.

Кобыла, под своей тяжелой, живой ношей, помчалась по деревянному мосту. Хватая губами холодный, ночной воздух, я судорожно пригибалась, когда сухие ветви деревьев показывались над моей головой.

Глава 4

Огромные, зубчатые стены Вестминстерского дворца возвышались над Темзой. Холодный, сентябрьский воздух окутывал поверхность «королевской» реки, придавая хмурому зданию еще больший отпечаток тоски. Мы скакали по вымощенной булыжниками дороге. Я едва держалась в грязном, поношенном седле, стараясь не приближаться к Питеру, от которого ужасно пахло конским потом. Я уже не цеплялась за спину англичанина, ибо его куртка теперь была похожа на лохмотья нищего: забрызганная грязью, порванная. Я понимала, что выгляжу не лучше. Мокрые от дождя волосы прилипли к лицу, чепец колыхался где-то на затылке, подол платья был запачкан в грязь, а полы плаща вообще разорвались. Несмотря на всю свою непристойную внешность, я ощущала еще и физическую боль от долгой скачки.

Когда наш конь остановился у внешних стен дворца, сэр Питер, с необычной легкостью, прыгнул с лошади, подавая мне руку. Я воскликнула, пошевелившись в седле. Боль в пояснице отразилась во всем теле, а ушибленное колено начало кровоточить. Вдобавок, я еще и замазала нижнюю юбку в кровь. Но было хорошо хоть то, что месячные начались уже после поездки. Стыдясь того, что кровавые пятна могут стать заметными, я прыгнула с кобылы, пытаюсь держаться подальше от своего путника. Хромая и держась за низ живота, я побрела за советником королевы. Около высокой стены ворот нам перегородил дорогу мажордом и два стражника, одетые в цвета королевской гвардии. Они-то узнали сэра Питера и могли бы без опаски пропустить его, но вот на меня они обратили удивленные и непонимающие взгляды:

– Мистер, наше уважение к вам безгранично, простите, что мы загораживаем вам дорогу. Но кто сия... леди? – тараторчил на меня мажордом, с усмешкой произнося слово «леди». Да, на даму в таком виде я была не похожа.

– Эта леди – мисс Вивиана Бломфилд д’Эподюс, новая фрейлина ее величества.

Мажордом сморщил нос, охранники презрительно захихикали. Я вскинула подбородок, пытаюсь придать своему жалкому виду хоть какой-то отблеск величия. С достоинством, присущим королевы, я прошла в пропускную галерею, под руку с сэром Питером.

Пропускная галерея, которая представляла собой длинный, открытый коридор, отделенный от других дворов лишь тонким слоем венецианского стекла, была завалена приезжими дворянами. Мне было известно, что по случаю наступления осени, король устраивал на днях турнир и бал. Десятки наряженных жонглеров, клоунов и шутов толпились возле дворцового, который тщательно проверял документы и пропускал во дворец лишь честных и достойных людей. По другую сторону располагались уже знатные придворные и аристократы. Иноземные герцоги, английские графы с других городов, приближенные дворяне монархов иноземных государств, все приехали по случаю большого турнира, о котором герольды гласили во все стороны Европы. В третьей части томились дамы, желающие поздравить королеву с тем, что ей вновь удалось забеременеть. Конечно, мало кто верил в то, что ее величество сможет родить здорового наследника английского престола после стольких выкидышей.

От запаха благовоний у меня закружилась голова, а приторный запах, доносившийся из ближайшей кухни, где варили пиво, заставил меня вытереть губы платком, смоченным в отвар из липы, чтобы предотвратить прилив тошноты.

– Миледи, – обратился ко мне Питер, резко остановившись у фонтана: – Здесь полно народу. А мы не можем дожидаться тут несколько суток, прежде чем мажордомы соизволят проверить наши документы и пропустить в замок. Нужно идти через винный погреб и пивоварню. Лучше закройте нос платком. Запах вас не обрадует, – не дожидаясь моего ответа, приближенный Екатерины повел меня по резкому, мраморному склону, где сходились лестницы с верхнего этажа и ступени в погреб. Я воскликнула, когда увидела, что стою на узенькой дорожке, окруженной низкими перилами, через которые легко можно было упасть вниз.

– Эта лестница используется во время неблагоприятных ситуаций, таких, как пожар или внезапная атака дворца. Попробуйте идти, не смотря вниз, – мужчина взял меня за руку, легонько подталкивая вперед. Когда мы сошли на площадку винтовой лестницы, я с облегчением вздохнула. Здесь было тихо, но что-то насторожило мой слух. Повернувшись к двери погреба, я увидела чью-то мимолетную тень. Заметив, как я напряглась, сэр Питер поднес мою холодную руку к губам. От его теплых, даже горячих уст, я немного расслабилась, успокаивая свой взволнованный разум тем, что для трех дней скачки без отдыха, это еще нормальные переживания. Но внезапно раздался тот же шорох, только уже громче. Сойдя со ступень, я пошла к углу коридора, туда, откуда доносились странные звуки.

– Мистрис! – окликнул меня мистер, когда я уже отошла на большое расстояние.

Я лишь поманила его рукой. Недовольно вздыхая, Питер побрел за мной. На этот раз до моих ушей дошел уже не приглушенный звук, а крик, который услышал и мой товарищ:

– Господи, что это? – я машинально нащупала у себя за поясом маленький кинжал. Ледяная рука страха с новой силой сжала мое сердце.

На этот раз мы слышали уже отчетливые шаги. Это окончательно развеяло мои сомнения. Стоять в тени в том момент, когда за углом происходит что-то неладное, показалось мне высшей трусостью. Да, тогда я была юной, пылкой девочкой, которая желала приключений. Ах, если бы тогда я знала, что мне придется пережить в будущем, я бы наслаждалась беспечной молодостью под крылом королевы, а не искала новых опасностей.

Не думая о последствиях, я пошла по коридору. В одно мгновения я увидела то, от чего крик сам вырвался из моей груди. На полу, купаясь в луже из собственной крови, лежала девушка, открыв рот в беззвучном вопле. Ее платье было порвано, а тело покрыто огромными ранами, из сердца торчал длинный нож. Я будто в страшном сне подошла к убитой. От ее распахнутых глаз, таких холодных и бездонных, что стыла кровь в жилах, меня невольно стошнило. Выплеснув содержимое своего желудка, я почувствовала, как руки Питера стали успокаивать меня ровными движениями по голове, будто я была маленькой девочкой.

– Кто... кто по... посмел? – язык у меня отяжелел и несколько слов я произнесла с ужасным натиском. Мне казалось, что во рту у меня все онемело, а тело забилося в конвульсиях.

Сэр Питер нагнулся над убитой, рассматривая ее истерзанное тело. Лицо бедняжки было покрыто кровоточащими ранами: – Эта несчастная жертва – Каримни дел Фагасона, испанка, приехавшая с ее величеством из Кастилии, любимица и фрейлина королевы, хранительница всех ее сокровенных тай. Смерть подруги нанесет королеве удар в самое сердце, а она беременна. Переживания ей сейчас не нужны. Ее величество на седьмом месяце беременности. Мне кажется, что будет лучше, если мы скажем ей об этом ужасном происшествии после того, как на свет появится дитя, – я краем уха слышала его слова, но все же восхищалась хладнокровием своего товарища. Это долгое путешествие, начало женских дней, которые всегда для меня начинались болезненно, и заканчивались болезненно, убийство девушки, причинили мне такую физическую и моральную боль, что я покачнулась, чувствуя, как из-под ног уходит земля, а перед глазами все плывет. Увидев, что я едва не падаю в обморок, сэр Питер придержал меня за локоть: – Вам плохо?

– Голова закружилась. Прошу, отведите меня подальше от этого ужасного места, – повинаясь моей просьбе, мистер отвел меня в погреб, усадив на лавку. Я смутно помню те мгновения, но то, что мне было тяжело дышать, а ужасная картина стояла перед глазами, я не могла забыть. Тошнота не отступала, и я почувствовала, как желудок свело судорогами. Мой истощенный организм от скудного, трехдневного питания, не мог вынести всех потрясений.

– Сэр, – я едва могла говорить от сухости в горле: – Мне кажется, что скрывать такое от королевы будет выглядеть не иначе, как преступление. Если мы ей ничего не скажем, нас обвинят соучастниками убийства. Нужно все ей немедленно рассказать, – я и сама удивилась своей остроумности в такой критической ситуации. Сначала Питер с интересом слушал меня,

но потом в нем что-то изменилось. Мягкость в глазах как будто заledenела, на скулах заходили желваки, а губы согнулись в тонкую полоску:

– Королева! Ей грозит опасность! Вино, *...отравленное вино!* Миледи, я должен спасти королеву. Это вопрос чести и долга. Я понимаю ваше состояние, поэтому оставайтесь здесь и ждите меня. Когда я буду уверен, что ее величество в безопасности, а тело леди Каримни будет отдано на обследование, я вернусь за вами, – сэр Питер ласково погладил меня по руке, прижимая мои похолодевшие пальцы к губам.

– Нет, сэр, вы не пойдете сам. Защищать королеву и мой долг, не забывая об этом, мистер. То, что я сегодня увидела, пошатнуло уверенность моего разума, но сердце готова на все ради ее величества, – я бросила мимолетный взгляд на убитую, морщась и закрывая ладонью рот: – Она вся в крови. Если мы понесем ее к покоям Екатерины, следы останутся по всему дворцу. Нужно в что-то ее завернуть, – сняв плащ, я с отвращением, которое пыталась тщетно скрывать, укрыла окровавленное тело плотной тканью. Кровь забрызгала мне платье, руки и лицо. Отойдя на приличное расстояние, я смотрела, как Питер, совсем не испытывая никаких противоречивых чувств, берет труп на руки.

– Сэр, а, что делать с этой лужей крови? При всем моем уважении к королевской чете и к вам, я не буду это вытирать. Пускай такими омерзительными делами займется служанка, – мой товарищ обернулся, вперив в меня испепеляющей, до костей, взгляд.

– А придется, моя дорогая. Вы же не хотите, чтобы убийце стало известно, что его жертва найдена, но следы не убраны? Опытный преступник может этим воспользоваться. Оторвите кусок ткани от своей юбки и протрите все это. Не должно остаться никакого следа, – я хотела возразить, но вовремя замолчала. Я и правда понимала, что оставлять эту кровь не уместно для нашей щепетильной ситуации. Вздыхая, я сделала все, как просил сэр Питер. От запаха крови я поморщилась, но не остановилась. Я сама влипла в эту проблему. Если бы я не услышала никаких шорохов, мы бы и не знали, что за углом лежит тело убитой фрейлины.

Когда на полу не осталось никаких следов, я пошла за Питером. Здесь, в этих пустынных местах, где не было никого, я чувствовала себя нормально, но, когда мы вышли в придворные коридоры, я остановилась. Повсюду сновали разодетые дамы, галантные кавалеры, а я, несмотря на пятна крови, была еще и одета в порванное платье. Увидев мою тревогу, Питер с шутливым видом заявил, что я прекрасна в любом виде. Ничего не ответив, я побрела за советником королевы. И тут началось самое ужасное. Мы приближались к опочивальне Екатерины Арагонской, и там было вдвое больше людей, чем в остальных коридорах. Женщины ахали, видя Питера, который нес на руках Каримни. Мы так тщательно завернули ее в мой плащ, что никаких ран не было видно, и все думали, что девушка просто без сознания. Ах, как бы я хотела, чтобы это было так, но то, что я увидела буквально несколько минут назад, врезалось мне острым клинком в память.

Дверь комнаты королевы отличалась золотыми обводками и многочисленными украшениями. Стражники попытались нас остановить, но Питер, будто ничего не слыша, распахнул дверь покоев ее величества. От грохота все дамы подскочили со своих мест и устремили испуганные взгляды на нас. Воспользовавшись суматохой, я осталась в тени двери, пытаясь не привлекать к своей персоне внимания.

И тут из-под балдахина вышла сама королева. Сначала на ее бледном лице отразилось негодование, потом испуг. Екатерина, молча долю секунды, тяжело села на алое кресло, обхватив своими руками выпирающий живот. Взгляд испанки блуждал по всем покоям с таким удивлением, будто она видит свою комнату первый раз в жизни. Все замерли, ожидая реакции ее величества. Напряженное молчание, которое парило в воздухе несколько минут, решил прервать Питер, становясь на одно колено и поднося труп девушки к подножию кресла:

– Ваше величество, я с большой скорбью сообщаю вам, что мадам Каримни дел Фагасона, вдова-девственница графа дел Фагасона, ваша верная фрейлина и подруга, была сегодня

убита зверским способом. С огромной болью я подношу к вашим благословенным ногам тело несчастной, – по опочивальни стали разноситься крики и возгласы. Несмотря на всеобщие протесты, сэр откинул плащ, представляя мерзкое зрелище. Застывшая кровь покрыла лицо и платье Каримни. Несколько дам лишились чувств, остальные с воплями подбежали к убитой. На перекошенных лицах женщин читался такой ужас, будто они увидели самого дьявола. Лишь королева оставалась молчаливой, холодной, с взглядом, устремленным в одну точку. Все ожидали от нее слез, стонов, рыданий, криков, но она была подобна мраморной мумии. Маргарет Поул, графиня Солсбери, аккуратно опустилась на колени перед повелительницей и взяла ее холодную руку в свои теплые ладони: – Мадам, вы меня слышите? Скажите хоть слово, прошу, – королева подняла взгляд на женщину, сжимавшую ее пальцы, и потом резко встала, перепугав фрейлин. Екатерина приблизилась к сэру Питеру и провела пальцами по окровавленной щеке Каримни, именно там, где была пятнадцатая рана на ее теле.

– Как это произошло? – едва слышно спросила испанка, осматривая запястье убитой, где были нарисованы кровью какие-то буквы.

– Миледи, мы шли к погребу, желая там передохнуть, и услышали шорох за углом. Когда мы пришли, труп... леди Каримни лежал весь в крови, на ее теле я насчитал пятнадцать неглубоких ран. И еще из ее груди торчал этот кинжал. Мы решили, что будет лучше, если мы сообщим вашему величеству все сразу, – Екатерина Арагонская подняла на собеседника удивленный взгляд:

– Мы? – я поняла, что не смогу остаться незамеченной. Пришло и мое время сыграть роль в этой кровавой сцене. Сделав несколько шагов, я очутилась в центре покоев, на виду у удивленных дам.

– Имею честь представить перед вами, королева-миледи, – присела я в реверансе так, как учила меня мать: гордо, выпрямив спину и не опуская головы. Я услышала хихиканья за моей спиной, но все померкло, когда мои глаза созерцали злобную гримасу королевы:

– Сэр Питер, я же просила, чтобы вы не приводили во дворец нищенок! Что здесь делает эта попрошайка? Нужно было оставить ее за воротами дворца, дать хлеб и воду. Я не потерплю в резиденциях короля таких блудниц, – я залилась краской. Я знала, что в таком виде меня не ожидает теплая встреча, но то, что сама высшая сударыня отнеслась ко мне, как к нищей, задело мое самолюбие. Я краем глаза уловила, как Питер жестом попросил меня откинуть вуаль. Я это сделала с гордостью, бросив ее на ковер.

– Вы? – Екатерина знала меня, и, если бы не эта дьявольская вуаль, из-за которой мою лицо было полностью скрыто, испанка не унизила бы меня подобными словами.

– Я, ваше величество. Прошу прощения, что ввела вас в заблуждение своим видом.

– Простите, мистрис. Я не знала, что это вы, – уныло проворковала королева.

– Кто это? – спросили удивленные девушки.

– Вивиана Бломфилд, – подхватил Питер, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Дочь знатного графа? Бретонка?² – воскликнула мадам Солсбери, окинув меня презрительным взглядом: – Ваше величество, это ошибка. Уважаемая леди Вивиана не выглядела бы, как потасканная нищенка. Кто-то специально ввел вас в заблуждение, обманул, – я едва сдерживалась, чтобы не дать этой змее пощечину. Хотя, я знала, что по происхождению Маргарет Поул выше меня. Она была рожденной от ветви Плантагенетов, королевской династии, которая правила Англией веками. А кем была я? Бретонкой, в чьих жилах текла древняя кровь повстанцев, графов, которые добились власти путем жестокой резни и государственных переворотов.

² *Бретонка* – в то время, как и сейчас, Уэльс был во власти лондонского правительства. Но люди, живущие на территории Уэльса, чаще считались бретонцами, чем чистокровными англичанами.

– Выбирайте выражения, ваше сиятельство, – буркнула королева таким же бесцветным голосом, каким и начинала разговор. Обернувшись ко мне, она спросила: – Сударыня, мне бы хотелось узнать, что вы здесь делаете... в таком... виде? Я ожидала вашего приезда через неделю. Что произошло?

– Мадам королева, мы узнали кое-что, из-за чего не смогли усидеть на месте. В одной таверне мы увидели подозрительных итальянцев, потом спросили у кухарки, кто они. Девушка, не без протестов сказала, что на ваше величество готовится покушение. Вам должны будут сегодня преподнести отравленное вино, – я и сама удивилась тому спокойствию, с каким сказала эти слова. Но мое хладнокровие не перешло ко мне остальным. Королева стала бледней стены, лихорадочно теребя четки.

– И вы так долго молчали? – не сдержалась та же мадам Солсбери, буквально налетая на меня: – Вы понимаете, что скрывали то, что может принести вред всей стране, не говоря уже о королевстве? Да за такое вас нужно на виселицу отправить! – разбушевалась почтенная матрона.

Сэр Питер, который уже устал держать на руках труп, вмешался в этот неприятный разговор: – Сударыня, простите, что перебиваю вас, но миледи Бломфилд не виновата. Сколько неприятностей за один день... Ваше величество, позвольте спросить, что дальше делать, – королева с горечью в глазах посмотрела на убитую фрейлину, но на этот раз уже не смолчала:

– Что это за буквы у нее на запястье? Я раньше не видела таких символов, – я внимательно разглядела странные иероглифы, похожие на китайский язык.

– Это не европейские буквы, мадам. Скорее всего, это язык восточных стран. Вот только, что здесь написано?

– Распорядитесь, что бы какой-нибудь ученый прочитал эту надпись, а потом пусть лекарь осмотрит тело Каримни, – паж, взяв на руки тело, уже хотел идти, но Питер его задержал:

– Постой-ка, – мистер открыл рот Каримни и достал оттуда окровавленный кляп: – Ей отрезали язык, миледи. Возможно, это нужно было для того, чтобы жертва не кричала во время увечий, а может, такое невиданное зверство что-то значит для убийцы. В любом случае, вашу фрейлину не вернуть, а расследованием заниматься нужно, – ответил Питер уверенным и громким голосом. Разумеется, он хотел сам заняться этим расследованием, но смотря на холодность и молчаливость королевы, можно было понять, что она своего любимчика не будет допускать к такому важному делу:

– Сударь, для расследования есть придворный криминалист – мистер Анхорело Дебитти. Он раскрыл более десяти дворцовых убийств, и я уверена, что и это кровавое дело он доведет до конца. Мадам Фушурел, пригласите в мой кабинет герцога Норфолка, лорда-казначея Томаса Болейна, придворного криминалиста, офицера придворной стражи и герцога Суффолка. Пусть придут сегодня вечером. А для вас, сэр Питер, найдется более деликатное поручение. Вы лично проверите каждую бочку вина, каждую бутылку, каждый бокал и кубок. Возьмите с собой дегустатора и, на всякий случай, лекаря. Я хочу, чтобы все вино, находившееся во дворце, было проверено. Я не допущу, что бы яд располагался во владениях короля и его семьи. И еще, вы уверены, что та кухарка сказала правду? Она могла соврать, чтобы получить вознаграждение, – парировала Екатерина. Ее высокомерный голос, положение головы, высоко-вскинутый подбородок, гордость в глазах, все говорило о том, что испанка знает себе цену. И это тогда, когда дыхание Анны Болейн было очень близко к трону. Что ж, теперь понятно, почему сию королеву все величали «гордой львицей». Хотя, я была не уверена, что настоящая львица престола не смогла бы родить сына государю. После стольких выкидышей и мертворожденных детей на свет появилась единственная дочь короля – одиннадцатилетняя принцесса Мария. Генрих молод, и если он не разведется со старой супругой, то сыновей ему не видать.

Отгнав от себя пагубные мысли, которые могли только причинить мне вред, я устремила свое внимания на Екатерину.

– Миледи, – послышался тихий голос Питера: – Если я вас ненароком разгневал, простите. Я верен вам до конца своих дней, – глаза испанки вспыхнули. Жестким движением, убрав с лица кудри, королева сделала повелительный жест всем удалиться и оставить ее наедине с советником.

– Мадам д'Аконье, отведите леди Бломфилд в комнату и расскажите ей об ее обязанностях. Как я понимаю, багаж с вещами придет только через несколько дней. Пока дайте сударыне платья леди Софии. Она в скором времени не вернется, надеюсь, что так..., – ко мне подошла худощавая, строгая женщина, одетая в верхнее платье бархатного покроя, застегнутое до самого подбородка. Из-под черного чепца выбились несколько седых локонов, костлявые руки быстро перебирали четки с некоторой небрежностью. Внешность этой матроны была отталкивающей, мерзкой. Лицо с выпирающими скулами казалось совсем белым, множество морщинок залегли под глазами и в уголках рта, очи имели серый оттенок с карим отблеском, ресницы и брови, казалось, совсем отсутствовали, губы сложились в плотную, алую полосу.

– Мисс Бломфилд, идите за мной, – ко всем этим недостаткам приравнивался еще и скрипучий, неприятный голос.

Мадам д'Аконье подтолкнула меня, больно вцепившись своими скользкими пальцами мне в руку, затянутую белой перчаткой: – Не годится девушке юных лет расхаживать в таком виде во дворце. И чему вас, уэльских девок, учат? – прошипела мне на ухо эта старая карга.

Я окинула ее злобным, вызывающим взглядом, вырвав у нее свою руку: – Не смейте оскорблять меня, мадам! Я не ваша служанка! Моя фамилия Бломфилд, и этим все сказано! Я родом из богатой и знатной семьи, мой отец – уважаемый граф! Какое вы имеет право так со мной разговаривать?! – едва не крича, ответила я, смотря, как морщинистое лицо этой ведьмы становится алым от злости, которую она пыталась сдержать в своей груди. Пыхтя и стискивая зубы, она подошла ко мне вплотную и провела пальцем по щеке:

– Не стоило тебе, милочка, так со мной разговаривать. Все знают, что вражда со мной не приводит к добру. Немедленно извинись за то, что посмела дерзить мне! Иначе розгами избыю, как козочку, чтобы знала свое место!

Эта вспышка гнева и угроз показалась мне уже не шуточной. Дама, не имевшая власти надо мной, не стала бы говорить такие слова: – Мадам, кто вы, чтобы бросаться такими словами? Замечу, что меня бить имеет право только отец, мать, старший брат, слуги по приказанию их величеств, и все. А, кто вы такая? Уж не сама ли государыня, что смеете на фрейлину руку поднимать?

Губы старухи сложились в линию, а в глазах промелькнуло лицемерие и усмешка:

– Ты не знаешь, деточка, кто я? Что ж, пора вывести тебя из неведения. Меня зовут Марилино д'Аконье, я графиня Тулузкая, маркиза Пуатьейская, баронесса Викторинская...

– Я надеюсь, что Вы не собираетесь перечислять мне все ваши титулы, мадам? Не так ли? – я почувствовала, как горячие дыхание этой итальянки обожгло мне шею и плечи. Она обхватила своими костлявыми руками мою спину и прошипела, подобно змее:

– Но я забыла сказать главное, девочка моя. Я – наставница всех фрейлин английского двора, не достигших шестнадцати лет. Сама королева дала мне полноценную и неоспоримую власть над юными особами. Теперь вы понимаете, что находитесь в моей власти? Если я захочу, то вас выведут зимой на снег и оставят там в одном корсете и нижней юбке. Лишь девушки, которым исполнилось шестнадцать лет, либо те, кто уже обручены, могут делать то, что им заблагорассудится. И только ее королевское величество может их за это наказать, больше никто, кроме, конечно, родственников и жениха. Поэтому вы будете делать то, что я скажу, если не хотите, чтобы вашу прекрасную кожу истязали удары розгой. А сейчас довольно болтовни. Идите за мной и ни слова о нашем разговоре. Поняла?! Ты же умная девочка, Вивиана,

не так ли? И не захочешь нарываться на неприятности, да? У тебя их и так по горло. Первая из них: недружелюбие дам. Я же видела, как они на тебя смотрели. Даже в этом наряде ты красивей, чем они в роскошных туалетах. Но эта красота тебя и погубит. Ладно, идем. Чего стоишь, как статуя? Пошли, сказала, – я чувствовала, как дрожь бьет все тело. Смесь ненависти, испуга, непонимания, смешалась во мне, образуя стену удивление и слепого гнева. Еще никто, даже моя строгая матушка, не позволял себе так со мной разговаривать. Конечно, графиня меня бранила, и иногда и руку могла поднять, но никогда не унижала, не говорила, что я уэльская девка, хотя сама ведь мать была не англичанкой, а полукровкой француженкой. Я могла простить и сносить все, но только не унижения. И эта старая ведьма заплатит, что так со мной обошлась. Я ей покажу, какие на самом деле «уэльские девки».

Дрожа от злости, которая, как мне казалось, не помещалась в моей груди, я шла по коридорам за мадам д'Аконье, окидывая высокомерное лицо этой сварливой старухи неприятным взглядом. В ответ на мое нескрываемое отвращение, наставница юных фрейлин лишь презрительно фыркала, подталкивая меня вперед.

Мы оказались на верхнем этаже, где окна были в виде треугольников, а стены освещали лишь два канделябра. Марилино постучала в невысокую, деревянную дверь. Несколько минут ответа не было, но потом в проеме появилось лицо женщины, скрытое под кружевной вуалью:

– Кто там?

– Открой, дуреха, это я, мадам д'Аконье! – пробурчала старая карга, оттолкнув незнакомую мне девушку и почти силой протолкав меня в узкий вестибюль: – Это новенькая. Наймешь ей учителя, пусть продолжает занятия. А мне пора, некогда с тобой болтать. А ты, девочка, – склонившись к моему уху, сказала старуха: – Если хоть одна живая душа узнает о нашем разговоре, солнца тебе не видать, так и сгниешь в темнице, и, поверь, я устрою все так, что тебя никто искать не будет. И сними эти лохмотья, – больно ткнув пальцем мне в бок, она скрылась, а девушка в вуали жестом попросила меня войти в комнату, из которой доносились смех и веселые разговоры. Поняв, что сейчас мне предстоит в таком виде очередная встреча с дамами, я попыталась разглядеть руками смятую юбку, но ничего не получилось. Подняв подол платья, я зашла в покои и моим глазам представилась умильная картина. Трое молоденьких девушек сидели на шелковых подушках, а у их ног играли ослепительные, рыжие собачки с белыми пятнышками на спинке. Одна собачка буквально запрыгнула мне на руки, а другая стала тявкать, кусая подол моего платья своими зубками.

– Эй, Отважная, а ну оставь платье нашей новой госте! Уверенна, что барышня не на такой прием ждала! Не так ли, милочка? – вскрикнула голубоглазая блондинка, со смехом беря на руки маленького зверя, которого, как я поняла, звали Отважная.

– Это новенькая, – оповестила девушка в вуали и ушла.

– Мирин, сестра, пойди, скажи девочкам, пусть уже приходят. Королева сегодня желала к обеду нас видеть, опоздать будет неприлично. Шекена, а ты, пожалуйста, отведи собачек на кухню. Там, наверно, вкусеньким пахнет. Ну, идите, – когда дверь за девушками захлопнулась, блондинка стала с нескрываемым удивлением рассматривать меня: – По твоей одежде, голубушка, за служанку тебя принять можно, вот только осанка, внешность, все говорит, что сударыня ты, а не горничная. Не так ли?

Вольный тон незнакомки не о чем хорошем не говорил. Возможно, в тот день я была слишком напугана и рассержена, что не поняла, что сия особа почти ровесница мне. Но все же реверанс я сделала, после чего блондинка залилась смехом: – Ну чего ты кланяешься, будто я сама государыня, прости Боже? Я такая же, как и ты. Ровна ты мне. Ну, чего стоишь? Проходи, садись.

– Кто ты такая? – буркнула я, но через мгновение пожалела о сказанном, смотря, как лицо моей собеседницы приобрело угрюмость:

– Да-да, сразу видно, что не подружимся мы. Я к тебе со всей душой, любезничаю, а ты грубишь?

– Прости, я не хотела тебя обидеть, – извинилась я, опуская фиалковые глаза.

– Ладно. Я не обижаюсь. Меня зовут Лилини Зинг, я фрейлина ее величества, думаю, ты и сама об это знаешь. Ты-то кто такая? – оценивающий взгляд собеседницы опять скользнул по моему лицу и платью.

– Меня зовут Вивиана Бломфилд, я приехала из Уэльса. Лилини, а кто те две девушки, что были здесь несколько минут назад?

– Одна из них – Мирин, моя сестра, полная противоположность мне. Она такая замкнутая, чопорная, что общение с ней – истинная мука. А вторая – Шекена, сирийка, чудом попавшая во дворец. Этой мусульманке и вправду повезло. Когда арабские бедуины совершили набег на город Сирии, семья Шекены была вынуждена бежать в Англию, к дальним родственникам, которые, как потом выяснилось, умерли два года назад. В Йорке презирали и презирают всех посланников пророка Мухаммеда и поэтому родителей Шекены убили на площади около Маргаритского монастыря, а девочку взяли в плен, как рабыню. Однажды, когда сирийка с другими невольницами работала на палящем солнце, проезжала неподалеку карета самой королевы. Ее величеству стало жаль девочку, которую тогда били палками, и она взяла ее с собой в Лондон. Три года Шекена обучалась в придворном пансионе, а на двенадцатом году жизни вошла в свиту Екатерины Арагонской. Сейчас ей около пятнадцати, и эта единственная история, которую я слышала из уст молчаливой мусульманки. Мне жаль Шекену, девушка она хорошая, добрая, зла никому не желала и не желает. А такое горе обрушилось на нее много лет назад. Несправедлива все-таки судьба, – я услышала, как задрожал голос Лилини. Возможно, эта печальная история задела струны и в ее душе. Увидев, как одинокая слезинка скатилась по щеке фрейлины, я предпочла молчать о дальнейших вопросах. В каждого человека есть тайны, секреты, которые гложут и медленно истязают душу. И когда эти тайны озвучиваешь, в душе, будто что-то лопается, что-то теряется. Покачив головой, я попыталась собраться с мыслями, но что-то не давало мне покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.